

Мы получили рукопись, содержащую дневник человека, с детских лет гонимого по свету. Назвать ее так, как это сделано здесь, можно лишь в случае, если сразу же пояснить, что французский «Жиль Блаз» — произведение искусства, немецкий — рассказ о повседневных событиях человеческой жизни. В этом смысле их разделяет бездонная пропасть; однако по своему содержанию они вполне допускают сравнение, — ведь и герой немецкой книги от природы добр, снисходителен, как и подобает человеку подчиненному, с детства приученному к покорности. Тот, кто нуждается в людях, зависит от них, судит их не более строго, чем они того желают. Отсюда и широта нашего героя; он приемлет все вплоть до интриг, до сводничества. Но, упорно сохраняя верность бюргерским правовым представлениям, стремясь следовать строгим нравственным правилам и велению долга, он постоянно действует себе во вред.

Поскольку все это происходит в полном соответствии с обстоятельствами и естественным ходом вещей, притом совершенно свободно от изощренной иронии, скрытой насмешки над читателем, нас подкупает доброжелательный, спокойный тон этого рассказа о событиях, значительных для человеческой жизни, хотя, по существу, и не столь важных. Впрочем, биография героя интересна и по своим внешним обстоятельствам, — ведь этот гонимый по свету, мятущийся человек становится свидетелем ряда событий мирового значения.

Само собой разумеется, и это вполне естественно, что автор хотел бы видеть свое произведение в печати. Он вправе придавать известное значение своим трудам; к тому же ему, как и любому другому автору, весьма желателен заслуженный гонорар.

Однако, готовя эту книгу к печати, надо полностью отказаться от какого бы то ни было редактирования. Сделать из нее подлинное произведение искусства, рассчитанное на тонкий вкус, все равно не удастся. К тому же для образа жизни, о котором здесь повествуется, характерно именно такое пространное изложение событий, следующих день за днем, сменяя друг друга и повторяясь. Ведь в газетах мы ежедневно читаем сообщения о вполне обыденных событиях; почему бы нам не проследить жизненный путь этого бедного парня?

Следует устранить лишь несколько мест, где благопристойность принесена в жертву правдивости, и тогда эту работу вполне можно печатать такой, как она есть; ведь, в сущности, она действительно хорошо написана.

В библиотеках и обществах для чтения всегда большой спрос на книги такого рода, их мгновенно расхватывают. Полагаю, что данная книга принесет владельцам библиотек известный доход. Ее можно, пожалуй, назвать Библией слуг и подмастерьев, так как едва ли найдется человек низшего сословия, который не увидел бы в ней известного подобия своей судьбе. Среднее сословие также обнаружит здесь приятные и назидательные картины бюргерского быта. Особенно отрадно читать о добром отношении женщин к этим привилегированным молодым бродягам, причем в разных странах оно выражается по-разному. В Северной Германии и Голландии странствующим парням весьма благоприятствует то, что они напоминают женщинам о мужьях и сыновьях, плавающих в море и путешествующих в заморских краях. Такую же доброжелательность мы встречаем и далее к югу, а уж читая о поведении французской крестьянки, просто невозможно удержаться от улыбки. Наш искатель включений возвращается после неудачного похода слугой эмигранта. Обедневшие господа увольняют своих слуг, и те вынуждены воровать, если не хотят умереть с голоду. Наш герой пытался унести курицу с крестьянского двора, но был схвачен хозяином, который с громким криком втащил его в дом. Жена крестьянина, взиравшая на все это с полным спокойствием, сказала: «Да оставь ты его, это просто бедный немецкий слуга, которому захотелось хоть раз отведать французской курицы».

Мы полагаем, что представители высших сословий также прочтут эту книжку не без пользы для себя, особенно если они поразмыслят о том, как выглядели бы откровенные признания их собственных слуг. Мы, во всяком случае, готовы признать, что чтение этого довольно увесистого тома настроило нас на благочестивый лад. Создается впечатление, будто в мире действует некое нравственное начало, которому ведомы пути и средства, чтобы здесь, на земле, дать определенное занятие человеку — по существу доброму, способному, деятельному, впрочем, весьма беспокойному, — испытать его, прокормить и поддержать, а в завершение всего, воспитывая, умиротворить и вознаградить скромным достатком за многострадальную жизнь.

Все изложенное выше настраивает нас на благочестивые размышления, которые найдут здесь, как мы надеемся, скромное пристанище, хотя, строго говоря, они в данной связи и не вполне уместны. Они направлены против того, что люди охотно считают вмешательством высшего разума в свою судьбу.

Не все разъезжают на перекладных, сопутствуемые рекомендациями и ценными векселями; многие вынуждены плестись пешком и рекомендовать себя сами; это им наилучшим образом удастся, если они способны казаться полезными и приятными. В этих случаях провидение часто использует в качестве своего орудия равнодушных, пребывающих в довольстве людей, не ведающих того, что они способствуют достижению высших целей.

Мне такого рода примером служило всю жизнь одно удивительное событие давних времен: некий добропорядочный, честный земледелец, отец семейства, нес своим жнецам желанное питье, чтобы утолить их жажду. Однако вместо этого вынужден был, покорный воле ангела, напоить пророка во львином рву. За долгую жизнь можно сделать множество подобных наблюдений.

Настоящим нищим, дряхлым старикам я никогда не подавал охотно; мне всегда казалось, что они пребывают в определенном состоянии, свыклись с ним, и попытка смягчить или умерить их нужду представлялась мне дерзостным самоуправством. Напротив, человеку деятельному, испытывающему нужду в данный момент, я никогда не отказывал в помощи. В первую очередь мое внимание привлекали ремесленники; в прежние времена я часто странствовал вместе с ними, а впоследствии всегда наиболее охотно помогал тому, кто был одет лучше всех.

Если мы обратимся к далекому прошлому, то увидим, что благочестивые пилигримы никогда не отказывались от предложенного угощения. Позже, в XVI веке, толпы необузданных студентов, растекаясь по дорогам в своих странствиях, предъявляли требования более решительно, на рыцарский манер. Ремесленники заимствовали у них этот способ и уже не видели ничего постыдного в том, что путник просит скромного вспомоществования, переходя из дома в дом.

Со временем я стал замечать, особенно во время путешествий, что встречающиеся на моем пути ремесленники проходят мимо, не кланяясь и не прося скромного подаяния, — потому ли, что в ряде случаев нуждающиеся люди сумели, как и все прочие, стать независимыми, или потому, что они боятся полиции?

Мы могли бы привести ряд примеров, свидетельствующих о том, что на нашем жизненном пути нами движет некая сила; но мы расскажем об этом только в том случае, если нам заранее снисходительно простят известный налет суеверия, всегда сопутствующий подобным историям.

Однажды в сумрачный день я пересекал поле близ Теплица. Мрачное небо, покрытое тучами, грозило дождем, но что-то заставляло меня продолжать путь к возвышавшемуся передо мной Шлосбергу. Дождь шел полосами, надо мной и впереди меня; когда я наконец достиг вершины и оказался среди хаоса древних руин, где не было ни света, ни тени, ни красок, я почувствовал себя прескверно.

Мое поведение было для меня самого загадкой; но вскоре загадка получила самое приятное разрешение.

В поисках укрытия я вступил под один из сводов и с удивлением обнаружил там прелестного мальчика, который вместе со старцем, его сопровождавшим, также спасался от дождя. Оба они были опрятно одеты и ходили скорее на небогатых горожан, чем на зажиточных крестьян. При моем появлении они встали и ответили на мой поклон. Мое предположение подтвердилось. Это были жители маленького города, которые вели достаточно скудное, хотя и не убогое существование. В настоящее время они уповали на то, что посещением дальних родственников улучшат свое положение, и с этой целью пустились в путь. Увидев Шлосберг, мальчик со свойственной юности порывистостью устремился ввысь и уговорил отца подняться на вершину горы; и пока я шел по одному склону, они одолели противоположный. Встреча с очаровательным ребенком в этих мрачных руинах невольно вызвала у меня улыбку. Я возблагодарил гения, затащившего меня сюда, и отдал мальчику на путевые расходы все содержимое моих карманов, сопроводив этот дар наилучшими пожеланиями. Впоследствии я всегда вспоминал с удовольствием об этом невинном приключении. Однако, даже предполагая, что подобные случайности происходят по некоей недоступной нашему пониманию воле, и любуясь своей проницательностью, надо всячески избегать попыток искусственно создавать подобные ситуации.

Однажды, отправляясь в путь и испытывая удовольствие от какого-то приятного для меня события, я, уже сидя в открытой коляске, принял следующее решение: разложив на ладони монеты, содержащиеся в моих карманах, от самой мелкой до самой крупной, я вознамерился останавливаться при встрече с ремесленниками и, одаривая каждого, постепенно раздать таким образом мои деньги. Я уже заранее радовался тому, что на этот раз игра случая будет до некоторой степени predetermined. Однако дерзостная попытка видеть в себе орудие провидения, обратить в шутку столь важное предназначение понесла, к моему удивлению, наказание, справедливость которого я признал: за трехчасовую поездку по оживленной, переполненной экипажами и пешеходами дороге я не встретил ни среди тех, кто шел мне навстречу, ни среди тех, кто обгонял меня, ни одного человека, которому мог бы хоть что-нибудь предложить. Пристыженный, я вынужден был сыпать в карман всю приготовленную мной небольшую сумму и в дальнейшем предоставлять такого рода решения высшей воле.

Могу рассказать и о том, как порой даже недоброжелательство служит орудием для оказания помощи нуждающемуся.

Однажды моя коляска миновала бодро шагающего мальчика лет десяти — двенадцати; увидя в нем подмастерья, я хотел одарить его чем-нибудь. Однако кучер не расслышал моих слов, и мальчик остался позади. Через два часа я велел остановиться на пригорке у города. В это мгновение играющие на улице мальчики злорадно воскликнули: «Сзади кто-то сидит». Одновременно со мной у коляски оказался прыгнувший на землю мальчик, очень испуганный тем, что коляску остановили из-за него и теперь ему грозит расправа. Это оказался тот самый мальчик, ученик пекаря, которого я встретил в пути. Щадя ушибленную ногу, он поступил вполне разумно, примостившись сзади, и если бы не остановка у города и не завистливые крики мальчишек, он бы тихонько сошел и незаметно удалился. Получив же предназначенный ему дар, он испытал двойное удовольствие.

Поскольку можно привести десятки таких примеров, следует со всей серьезностью заметить, что отделить веру от суеверия практически невозможно и поэтому благоразумнее всего не пребывать слишком долго в этих преисполненных опасностей сферах и рассматривать подобные происшествия как символическое указание, нравственное подобие или пробуждение доброго начала. Ведь одинаково опасно как полностью отворачиваться от непознаваемого, так и дерзостно стремиться к слишком тесному общению с ним.

В заключение я не могу удержаться от того, чтобы не провести сравнение между католическими и протестантскими нищими и вообще просящими о помощи людьми того и другого вероисповедания. Нищий-протестант совершенно спокойно желает: «Да воздаст вам бог за ваш дар», — не пытаясь принять какое-либо участие в этом акте, и вы навеки прощаетесь с ним; нищий-католик говорит, что он будет молиться за вас, осаждайте просьбами господ бога и святых его до тех пор, пока они не осыпят вас наилучшими материальными и духовными дарами. В минуты, когда душа открыта живому участию, трогательно видеть, как тот, кто, при всей своей близости к высшему существу, не способен вымолить себе сносное существование, полагает, что может облагодетельствовать своими молитвами другого, представ перед господом богом в сопровождении многочисленной клиентуры.

Подобные нравственные черты религий, указывающие на глубокую основу религиозной потребности людей, всегда радостны, ибо часто открывают самые различные перспективы.

Прочитанные на досуге книги позволяют нам сделать следующее добавление: когда Иоганн Каспар Штойбе, сапожник из Готы, рассказывает о своих беспокойных блужданиях, а Плутарх, ученый мудрец из Херонеи, повествует о деяниях великих героев, оба они в равной мере находят объяснение — один событиям своей жизни, другой свершениям мировой истории, — только допуская присутствие некоего господствующего над миром высшего непостижимого существа.

Только что один прославленный друг воззвал к нам в словах, отражающих ту же мысль: «Если в мелочах присутствует случай, мир не может быть благим, не может существовать. Если же мелочи проистекают из вечных законов, подобно тому как столетие состоит из бесконечного числа дней, то именно провидение, действующее в мельчайших частях, делает целое благим» (Гаманн).

Комментарии

«Жиль Блаз из Сантьяны» (1715–1737) — приключенческий роман французского писателя Алена-Рене Лесажа (1668–1747), его немецкий перевод появился в 1774 году. Под названием «Немецкий Жиль Блаз» Гете издал автобиографию немецкого простолюдина И.-Г. Заксе. Она была лишь слегка отредактирована Гете (или Г. Швабом); Гете считал, что в рукописи следовало «устранить несколько мест, достоверность которых выходит за пределы пристойности».

...после неудачного похода... — Имеется в виду поход военной коалиции феодальных государств против революционной Франции в 1792 г., кончившийся разгромом реакционных сил.

Штойбе. — Книга «Странствия и судьбы Иоганна Каспара Штойбе» была издана в 1791 г.

Плутарх (46–120) — греческий философ и историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» прославленных греков и римлян.

А. Аникст